

Эхо взорванного Крещатика

Когда Украина в 1991 году стала самостоятельной, националисты принялись составлять счёт к «советским оккупантам» - от «голодомора» до аварии в Чернобыле. И озлобленные киевские политики, и обыватели заговорили вдруг ещё и о том, что коммунисты осенью 1941 года взорвали Крещатик, обвинив потом в этом фашистов.

Конечно, грустно представить себе, как, приехав в Киев и прогуливаясь где-то по центру города, услышишь упрёк в том, что, мол, твои соотечественники варварски уничтожили такую красоту. Что ж, время было военное, с иной шкалой ценностей... Кстати, знают ли киевляне, что Крещатик тогда взорвал орловский уроженец 34-летний Виктор Карташов?

Михаил Гаврилович Карташёв (иногда фамилия писалась через «о» - Карташов) был достаточно известным в Орле врачом, тем более что в начале XX века представителей этой профессии в городе насчитывалось всего несколько десятков. Да и вообще старинная дворянская фамилия Карташёвых в Орле «звучала» в самом хорошем смысле этого слова: в городской элите их было немало – от владельцев частной аптеки на Московской улице до руководителей крупных общественных организаций и т.д.

В 1906 году Михаил Гаврилович Карташёв - секретарь Орловского медицинского общества (располагалось на 2-й Курской улице), затем - штатный ординатор богоугодных заведений. Эти заведения ещё со времён учреждения Орловской губернии были размещены в Свербеевском переулке (с 1912 года - улица Ермолова, ныне Пионерская) примерно на месте современной областной больницы. Также Карташёв заведовал частной глазной лечебницей на улице 3-й Курской. По сведениям 1909 года, он принимал пациентов и в ночные часы у себя дома. К тому же Карташёв преподавал в земской фельдшерско-акушерской школе, которая располагалась рядом с богоугодными заведениями (школа небольшая –

примерно на сто учениц (принимали сюда только девушек), срок обучения составлял три – четыре года).

Карташёв-старший был человек образованный и неравнодушный к общественной деятельности, что, похоже, весьма способствовало его продвижению по служебной лестнице. Судя по ежегодным «Памятным книжкам Орловской губернии», он быстро рос в чинах: титулярный советник (не позже 1908 года), с 1911 года – коллежский асессор (уже без врачебного приёма ночью), затем (не позднее 1916 года) – коллежский советник (чин VI класса в Табели о рангах, соответствующий армейскому полковнику).

Жили Михаил Гаврилович и его жена, учитель по профессии Мария Владимировна Карташёвы вначале в Георгиевском переулке, в доме Бузиной, затем с 1907 или 1908 года - на Кромской (ныне Комсомольской) улице в доме Баскаковой (вариант – Баскакова). В 1907 году родился сын, которого назвали Виктором.

Несмотря на грянувшие вскоре военно-революционные перипетии, Виктор Карташов (так он писал свою фамилию) получил среднее образование. Профессией выбрал службу в ОГПУ – объединённом Главном политическом управлении. Причём это было едва ли не первое его место работы: Виктору тогда исполнилось 19 лет. По всей вероятности, чекистскую службу начинал он не в родном Орле, а где-то на Украине, возможно, в Харькове. В письме известному чекисту П.А. Судоплатову, датированном 1946 годом, Карташов упоминал: «Я с 1926 года в органах непрерывно и никогда не был врагом и не буду. Ты знаешь меня 20 с лишним лет...» А Павел Судоплатов с февраля 1925 года служил в Мелитопольском окружном отделе ГПУ в информационном отделении (затем с января 1927 года – помощник оперуполномоченного в этом же отделе, с августа 1928 года – оперуполномоченный секретного политического отдела Харьковского ГПУ).

Виктор Карташов, будучи сотрудником контрразведки, окончил высшие курсы журналистики, однако газетный мир не приобрёл в его лице ещё одного Михаила Кольцова или Илью Эренбурга. Впереди был десяток лет службы без особых карьерных взлётов и высоких наград. В середине

1930-х годов Карташов попадает в Воронеж: ни семьи, ни квартиры, ни заманчивых перспектив. Звание - лейтенант госбезопасности, должность - начальник 4-го отделения 3-го отдела Воронежского управления НКВД (в то время территория области была куда больше современной – в её состав входили почти вся Липецкая и Тамбовская области, а также значительная часть Белгородской). Достаточно хлопотная, но всё же рутинная работа: бдительно следить за ситуацией в городе и области, вербовать секретных агентов, вычислять злоумышленников, устраивать смертельные ловушки для коварных врагов народа...

Впрочем, дошёл черёд и до самого Карташова - 21 ноября 1937 года его арестовали. Предъявленные обвинения разительно отличались от тех, что были стандартными в тот суровый год. Так, в первом пункте обвинения отмечалось: использовал конспиративную квартиру для... интимных встреч с девушкой, которую накануне сам же завербовал (в уголовном деле эта подружка холостяка фигурировала под псевдонимом «Альфа»). А ещё Карташова обвиняли в преступно-халатном бездействии: за два года нашёл «только» 15 секретных осведомителей, а за последние два месяца до собственного ареста - ни одного. Карташов, доказывая свою невиновность, приводил пример, как на совещании в Москве он докладывал, что в системе авиапромышленности работает троцкистско-шпионская организация во главе с начальником отдела главка Чернышёвым (бывший директор Воронежского авиазавода) и заместителем начальника главка Туполевым (знаменитый авиаконструктор. – А.К.). Оправдываясь, Карташов говорил: «Тогда, в январе 37-го года, Москва не согласилась на их арест, а теперь Чернышёв арестован, а Туполев прошёл по показаниям» (т.е. был отправлен в «шарашку». – А.К.).

В итоге «преступления» Карташова в обвинительном заключении были квалифицированы по обычной уголовной статье. И только в январе 1938 года ему предъявили обвинение по статье 58-10 (антисоветская агитация). Под колпак этой «расстрельной» статьи лейтенант попал за то, что своей «Альфой» показал коллекцию... царских орденов и медалей (была такая слабость у сына коллежского советника!).

Карташову повезло. Его дело передали не московской «тройке» (выездной сессии Военной коллегии Верховного суда, та обычно отправляла на расстрел или на Колыму), а в трибунал войск НКВД по Воронежской области. В августе 1938 года трибунал снял с Карташова обвинение по 58-й статье как необоснованное. А по уголовной статье приговорил лишь к пяти годам лагерей. Карташов сразу же подал кассационную жалобу на приговор. Его настойчивость возымела действие: уже в начале октября вышло определение московского военного трибунала: «Приговор отменить, дело вернуть на доследование в прокуратуру. Карташова из-под стражи освободить».

Из Самарлага Карташов уехал в Москву, где жила его мать - дом № 7 по Барыковскому переулку, квартира 2. А в августе 1939 года начальник управления НКВД по Воронежской области Письменский подписал постановление: «Материала для привлечения к уголовной ответственности недостаточно, уголовное дело на Карташова прекратить».

Это отдельная тема: кадровая политика НКВД после грандиозной чистки 1937 – 1938 годов и накануне второй мировой войны. Нетрудно догадаться, что возник жесточайший дефицит профессионалов. Какими бы ни были тогда обвинения в адрес Карташова, само время требовало отправить его не лесоповал, а на оперативную работу. Мы можем только догадаться, чем был занят вернувшийся из лагеря тридцатилетний лейтенант в те полтора-два года. Скорее всего отрабатывал в Москве и Подмосковье навыки разведчика...

5 июля 1941 года начальником Особой группы при наркоме внутренних дел СССР по разведывательно-диверсионной работе в тылу противника был назначен П.А. Судоплатов. Сразу же вспомнил о своём давнем сослуживце Карташове: как-никак, оба пострадали от репрессий 1937-го. Недавнему зэку предложили стать... резидентом «Михайловым». Оперативный план построения киевской резидентуры, подписанный «Михайловым», утвердил Судоплатов. Примечателен пункт 11: «настоящие фамилии всех лиц, входящих в резидентуру, с момента выезда из Москвы фигурировать не должны». Так у Карташова (Михайлова) снова появились

новые имя и фамилия: Алексей Афанасьевич Коваленко, уроженец Воронежа, сын крупного торговца.

22 июля 1941 года на имя начальника 1-го управления НКГБ СССР майора госбезопасности П.А. Судоплатова поступил доклад из Киева за подписью «Резидент Михайлов»:

«1. Конс[пиративная]квартира. Я до сих пор квартиры и местожительства не имею и не легализован. Мне предложили поселиться в Святошино, однако согласились со мной, что я буду тогда оторван от города и сети. Сейчас идут поиски квартиры...

«Холл» квартирой обеспечен хорошо... его адрес: ул. Саксаганского, 102, кв. 33 (во дворе)...

2. Рация: Слышим вас очень хорошо...

3. Радиопомехи: На нашей волне, в наше время слышим работу близкой (полагаем, киевской) радиции, связанной ориентировочно с Москвой. По ряду признаков ... это невоенная рация, не автомат. Просто если это наша рация, скажите ей или мне волну. Учитывая, что она работает на цифрах, а не на шрифте, значит, она на нашей территории и это так легче....

7. Явки. На всякий случай сообщаю явки: не имея возможности приобрести явочную квартиру, по воскресеньям и средам в 12 часов дня (или, если днём меня не будет, - в 8 часов вечера) до 12 час. 15 минут (8 час. 15 мин.) я всегда буду находиться на первых скамейках Бибиковского бульвара, считая от Крещатика. У меня в руках - какая-нибудь зелень, листик, трава и т. п...

Еще раз благодарен за оказанное мне доверие. Приложу все силы к тому, чтобы выполнить Ваше задание полностью.

22.07.1941»

А вот как начиналось сообщение 21 августа:

«Уважаемый Павел Анатольевич!

Я обращаюсь с этим личным письмом потому, что вопросы, изложенные ниже, не являются моим непосредственным объектом работы.

Я не соприкасаюсь с работами наших органов в Киеве...» Далее следовал подробный доклад об обстановке в Киеве и неразберихе, которая творилась в НКВД УССР («работа наших органов далеко не блестяща», «неумение переброски партизан через фронт», «неправильное использование партизан», «неумение установить с ними связь», «никто не несёт ответственности за эти отряды»...).

19 сентября 1941 года наши войска оставили Киев. Радость захватчиков была недолгой. Ирина Хорошунова писала в книге «Первый год войны»: «На Крещатике в 30-м номере, где прежде была какая-то второстепенная гостиница, поместилась городская комендатура. На углу Прорезной и Крещатика с другой стороны, где был «Детский мир», поместилась жандармерия. Туда все время подъезжали немецкие машины, стоял немецкий караул... В жандармерию сносили приёмники».

Известный писатель 1960-х годов Анатолий Кузнецов рассказывал: «Это было 24 сентября, в четвертом часу дня. Дом немецкой комендатуры с «Детским миром» на первом этаже взорвался. Взрыв был такой силы, что вылетели стёкла не только на самом Крещатике, но и на параллельных ему улицах Пушкинской и Меринга. Стёкла рухнули со всех этажей на головы немцев и прохожих, и многие сразу же были поранены. На углу Прорезной поднялся столб огня и дыма. Толпы побежали - кто прочь от взрыва, кто, наоборот, к месту взрыва, смотреть. В первый момент немцы несколько растерялись, но потом стали строить цепь, окружили горящий дом и хватали всех, кто оказался в этот момент перед домом или во дворе.

Волокли какого-то долговязого рыжего парня, зверски его били, и разнесся слух, что это партизан, который принес в «Детский мир» радиоприемник - якобы сдавать, но в приемнике была адская машина. Всех арестованных вталкивали в кинотеатр здесь же рядом, и скоро он оказался битком набитым израненными, избитыми и окровавленными людьми. В этот момент в развалинах того же самого дома грянул второй, такой же силы, взрыв. Теперь рухнули стены, и комендатура превратилась в гору кирпича. Крещатик засыпало пылью и затянуло дымом. Третий взрыв поднял на воздух дом напротив. Немцы оставили кинотеатр и с криками:

«Спасайтесь, Крещатик взрывается!» - бросились бежать кто куда, а за ними арестованные, в том числе и рыжий парень. Поднялась невероятная паника».

Вот строки из сообщения НКВД УССР о положении в Киеве после оккупации (декабрь 1941 года): «24 сентября, в полдень, взорвалось здание гостиницы «Спартак», в котором была размещена немецкая комендатура, и здание магазина «Детский мир», на углу ул. Крещатика и Прорезной. В результате начались большие пожары, тушить которые не было возможности из-за отсутствия воды... В результате взрыва здания немецкой комендатуры погибло до 300 немцев, [уничтожено] несколько десятков автомашин». Киев, по воспоминаниям очевидцев, горел пять дней: взрывы продолжались и продолжались... Многие вспоминали 1812 год, Наполеона, горящую Москву...

Взрывы на Крещатике и в других районах столицы Украины стали первой масштабной акцией группы Михайлова-Коваленко. Во второй половине октября он открыл на углу улиц Ленина и Пушкинской большой универсальный магазин. Здесь работали 12 человек, выбор товаров был велик: золото, бриллианты, одежда, обувь, галантерея, меха, ковры, картины, книги. Кроме того, Коваленко открыл ресторан «Мрия» (мечта. – А.К.) для немецких солдат. На Рейтарской улице он получил шестикомнатную квартиру, обставил её дорогой мебелью, украсил коврами, старинными картинами, фарфором. Жил богато, одевался элегантно, носил бриллиантовые кольца. В гостях у Коваленко бывали офицеры жандармерии и гестапо. Он устроил служащую своего магазина Тамару П. экономкой и сожительницей к заместителю генерального комиссара Украины фон Вольтгаузену. Именно через Тамару получал особо ценную информацию.

В начале марта 1942 года Коваленко был арестован. Его обвинили в спекуляции продуктами, спиртом, золотом. Но вёрткий торговец сумел опровергнуть эти обвинения, и, видимо, не без помощи влиятельных знакомых уже через десяток дней был освобожден.

В июне 1942 Коваленко-Михайлов затеял ещё одну авантюру. Он поехал в Берлин для оформления наследства. По документам, изготовленным в Москве, оказалось, что его отец до революции имел крупную торговую фирму, женился на баронессе Мантейфель, что все его родственники проживали в Германии и умерли, остался один лишь наследник – без труда можно догадаться, кто должен был выступить в роли этого богатого отпрыска. Вернувшись из Берлина, Коваленко приказал своим служащим называть его бароном Мантейфелем.

19 ноября 1942 года в магазин пришли гестаповцы, арестовали Коваленко и всех его служащих: всего по тому делу были схвачены 214 человек. Из показаний сотрудников Киевской тюрьмы известно, что Коваленко после ареста содержался в светлой камере, пользовался библиотекой, пишущей машинкой, его хорошо кормили. Впоследствии следователи НКВД именно на этом факте обосновали свою версию предательства Михайлова. Впрочем, возможно, что немцы пытались таким «пряником» заставить разведчика работать на себя. После месячного заключения в Киеве Михайлова перевели в берлинскую тюрьму. Потом был лагерь смерти Дахау, откуда его освободили американцы. От своих спасителей Михайлов бежал. Приехал в Москву, доложил начальству и... был арестован.

Удивительно, но едва ли не главный козырь – взрыв Крещатика – теперь ничем не мог помочь Карташову. После войны руководство СССР обвинило в разрушении Крещатика оккупантов, а истинная причина взрывов стала гостайной. Из Москвы арестанта вскоре перевезли в Киев для расследования на месте. Карташов, доведенный до отчаяния тюремным голодом, болезнями (его запретили лечить) и издевательствами, написал заявление руководству в Москве. Вот несколько выдержек из этого документа:

«Москва, Лубянка-2,
начальнику 2-го управления МГБ СССР
генерал-лейтенанту Судоплатову П. А.

Для доклада министру г.б. СССР
Абакумову.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Исключительные обстоятельства заставляют меня обратиться к Вам, прося Вас доложить это заявление министру гр. Абакумову.

Вы знаете и мое дело, и меня. Вы отправили меня в тыл противника и лично Вы давали мне указание о работе. Вы знаете также, что я, бежав от американцев, доложил о себе. Вы обещали принять, кроме письменного, мой устный доклад. Но затем это оттянулось вплоть до ареста...

Все это вместе взятое и мои беседы с генерал-майором Эйтингоном, обещавшим мне обеспечение объективности в проверке моих доводов, заставляют меня обратиться к Вам.

1. Я категорически настаиваю перед Вами и министром о том, чтобы следствие по моему делу было бы изъято от МГБ Украины и проводилось непосредственно МГБ СССР. Я обвинял и обвиняю НКГБ Украины в том, что его работники не выполнили указаний НКГБ СССР при организации мне помощи, чем и могли вызвать наш провал. Сейчас МГБ Украины заинтересовано это замять, для чего не фиксируются мои показания по этим вопросам и расследование дела ведётся для моего обвинения. Я не виновен ни в чем. Я могу это безусловно доказать, если следствие будет вестись объективно...

7. Я утверждаю и доказываю, что именно моя группа произвела те диверсионные акты в Киеве, которые приписывали себе некоторые работники наших органов.

9. Незаконно, чтобы я был отдан в руки людей, которых я обвиняю. Меня пытаются обвинить в том, что я выполнял Ваши задания.

Я настаиваю: только Вы имеете право судить, выполнял ли я Ваши задания, а не МГБ Украины, которому я не подчинялся, которые не знают моих заданий и Вашего инструктажа мне... Об этом я могу говорить только в Москве Вам или по Вашему указанию.

В. Карташов.

4 августа 1946 г.».

И в продолжение заявления личное обращение к Судоплатову, уже неофициальное:

«Павел Анатольевич!

...Я прошу: не откажи мне в праве лично увидеться с тобой. От этого зависит моя жизнь. Ты обещал мне, отправляя в тыл, увидимся. Это нужно для меня и важнее это надо для дела. Прошу доложить наркому, вызвать меня в Москву. Я теряю силы, предпочту умереть, чем себя оклеветать. До свидания, если буду жив, ещё недолго. Виктор».

Обращение Карташова к достаточно влиятельному Судоплатову, видимо, сыграло свою роль, и бывшего разведчика отправили в Москву. Сохранилось в его деле даже заявление матери с просьбой разрешить передачу сыну к 1 мая 1948 года. К тому времени прошло уже три недели с вынесения приговора - Особое совещание при МГБ СССР назначило Карташову 25 лет лишения свободы. Впрочем, практически любой срок был смертельным для измождённого узника. Его сил хватило только на два с половиной года – Виктор Михайлович Карташов скончался во Владимирской тюрьме 19 ноября 1950 года.

Спустя десятилетия, Павел Судоплатов довольно резко отзывался о бывшем сослуживце. В мемуарной книге постаревший диверсант не поспешил на мрачные краски: «Настало время рассказать о предательстве некоего Карташова (он же Коваленко). Его, юриста, в 1937 г. осудили за халатность и подлог на пять лет лишения свободы. В 1939 г. он был освобожден, стал сотрудничать с НКВД Украины. В связи с оккупацией Киева Карташова оставили в тылу врага для выполнения спецзаданий под видом владельца комиссионного магазина и ресторана. Немецкая контрразведка вскоре арестовала и перевербовала его. Он выдал группу подпольщиков. Конкретные факты и обстоятельства предательства Карташова удалось вскрыть после войны, в мае 1945 г. Он был арестован и осужден к 25 годам лишения свободы за предательское сотрудничество с врагом» (Цитирую по: Независимое военное обозрение, 2001, 3 авг.).

Обратим внимание на то, что даже в этой короткой цитате из воспоминаний Судоплатова фамилия написана по-разному: Карташов и Карташёв. Может быть, потому, что факты брали из разных справок? Почему Карташов назван здесь юристом? Почему нельзя признать, что до войны он был сотрудником НКВД? Непонятным эхом прорываются в XXI век смертельные интриги и противоборства середины века XX...

А вот писатель Валентин Катаев, напротив, не видел в подпольной деятельности Карташова ничего предательского. В романе «За власть Советов» он использовал ряд моментов из биографии Коваленко для создания образа владельца комиссионного магазина в Одессе М. Колесничука — сотрудника советской разведки.

Заинтересовался судьбой Карташова и воронежский историк Вениамин Глебов, его большой очерк был напечатан с продолжением в конце 1990-х годов в газете «Воронежский курьер», а затем «вырос» в книгу «Война без правил. Преданный резидент» (издана в Москве в 2005 году).

XX век оказался очень жесток к русским людям. Кто знает, может быть, из Виктора Карташова получился бы неплохой врач или журналист. А может быть, актёр, ведь без театрального таланта невозможно изображать в оккупированном городе купеческого сына и, тем паче, некоего барона. Что ж, сыну орловского дворянина оказалось под силу замахнуться и на такие «роли». В СССР все эти старорежимные штучки были бы ни к чему, но во время войны Карташов играл так талантливо, что артисты лучших театров могли бы только позавидовать и поучиться. В памяти у бывшего орловского школяра все были как на ладони: знакомые отцу генералы и купцы, губернские чиновники и аристократы... Да, Карташов о многом мог бы рассказать заинтересованному собеседнику во времена «оттепели», где-нибудь году в 1960-м. Но он ушёл и унёс с собой многие тайны своей короткой жизни.

Алексей КОНДРАТЕНКО.